

Научная статья

УДК 81`373.43

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-1-34-44>

5.9.5. Русский язык. Языки народов
России

НЕОЛОГИЗМ «МОНАСТЫРИНГ»: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Екатерина Александровна Городецкая¹, Евгений Владимирович Шаповаленко²

^{1,2} Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

¹ gorodetskaya.catia@yandex.ru

² eshapovalenko@kantiana.ru

Аннотация. Предметом изучения в статье являются структурно-семантические и лингвокультурологические особенности неологизма *монастыринг*. Цель анализа состоит в описании особенностей словообразовательной модели и выявлении культурологических связей денотативного содержания новой лексической единицы с наименованиями прецедентных телесно-духовных практик. Выполненное с помощью комплексной методики исследование опирается на концепции ведущих российских ученых в области дериватологии и неологии. Полученные выводы свидетельствуют о гибридном характере формы слова, в котором англоязычный суффикс *-инг* со значением активной процессуальности присоединяется к ассимилированной на почве русского языка основе древнегреческого происхождения *монастырь*. Установлен объем семантики лексической единицы и выявлены её лингвокультурологические пересечения с православными практиками трудничества, с одной стороны, и с западным форматом психологических ретритов, с другой. В отличие от семантики трудничества с преобладающей в нем целевой установкой – через послушание, труд и молитву прийти к Богу, в лексеме *монастыринг* актуализируется мотивационная сема – желание молодого поколения уйти на определенный период времени от современной цивилизации, что включает монастыринг в число разнообразных психотерапевтических ретритов.

Ключевые слова: неологизмы, заимствования, суффикс *-инг*, трудничество, ретрит

Для цитирования: Городецкая Е.А., Шаповаленко Е.В. Неологизм «монастыринг»: словообразовательные и лингвокультурологические характеристики // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №1. – С. 34-44. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-1-34-44>

Original article

WORD-FORMATION AND LINGUOCULTUROLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE NEOLOGISM «MONASTYRING»

Ekaterina A. Gorodetskaia¹, Evgenii V. Shapovalenko²

^{1,2} Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

¹ gorodetskaya.catia@yandex.ru

² eshapovalenko@kantiana.ru

Abstract. The focus of this article is the neologism *monasterying*, examined through its structural and linguocultural characteristics. The aim of the analysis is to describe the unique aspects of the word-formation model and to uncover the cultural connections between the denotative content of this new lexical unit and precedent body-spiritual practices. The research employs a comprehensive methodology and is grounded in the concepts of leading Russian scholars in the fields of derivatology and neology. The conclusions indicate the hybrid nature of the word form, where the English suffix *-ing*, denoting an active process, is attached to the ancient Greek root *monastery*, which

has been assimilated into the Russian language. The semantic scope of the word is established, revealing its linguocultural intersections with Orthodox practices of labor, on one hand, and the Western model of psychological retreats, on the other. In contrast to the semantics of work, which primarily aims to bring one closer to God through obedience, labor, and prayer, *monasterying* highlights a motivational aspect the desire of the younger generation – to escape from modern civilization.

Keywords: neologisms; borrowings; suffix *-ing*; *monasterying*; retreat

For citation: Gorodetskaia E.A., Shapovalenko E.V. Word-formation and linguoculturological characteristics of the neologism «*monasterying*», *Linguistics & education*, 2026. – Vol. 6. – No. 1. – Pp. 34-44. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-1-34-44>

Введение

Одной из отличительных черт развития современного общества является диверсификация форм человеческой жизнедеятельности, увеличение разнообразия духовных и телесных практик человека. Потребность в их номинации находит свое отражение в возникновении целого ряда существительных, имеющих процессуально-деятельностное значение. Значительная их часть представляет собой прямые заимствования из английского языка и относится к сфере научно-популярных психологических терминов. Например, *буллинг* (травля), *шейминг* (публичное осуждение), *виктимблейминг* (осуждение жертвы) и т. п. Российские психологи объясняют причины активного проникновения в медиaprостранство заимствований данного типа популяризацией в России психологии, а также «престижностью», «экспертным звучанием» иноязычных наименований [1].

подавляющее большинство новейших терминов образовано в английском языке по единой словообразовательной модели, в которой к мотивирующему слову присоединяется суффикс *-инг*. Тренд на изобретение модных инговых¹ номинаций, именующих различные психологические практики, не обошел стороной и Россию. Одним из интереснейших новообразований данного типа является существительное *монастыринг*. Несмотря на то, что слово появилось в российском медиaprостранстве сравнительно недавно, оно уже вызвало волну интернет-комментариев дискуссионного характера. Во-первых, присоединение к существительному с сакральной семантикой чужеродного английского суффикса производит эффект когнитивного и лингвокультурного оксюморона. Во-вторых, случайная омонимия части слова с просторечным глаголом *стырить*, что в разговорной речи означает *украсть* или *своровать* [2], дает основания для ложной интерпретации значения новообразования как кражи в монастыре. В результате возникает впечатление игрового, шутливого характера новообразования, входящее в противоречие с его истинной семантикой.

Цель данной работы: описание структурно-семантических особенностей неологизма *монастыринг* и выявление его вероятных прецедентов в русском и англо-американском лингвокультурном пространстве.

Методы и материалы

¹ Термины «инговое словообразование, инговые дериваты» являются общеупотребительными в работах современных российских дериватологов, описывающих с его помощью процесс и результат образования слов с формантом *-инг*.

Поскольку слово *монастыринг* начало активно употребляться в различных дискурсивных практиках с 2024 года, в качестве основного материала для исследования послужили открытые ресурсы Рунета. Выявление лингвокультурологически сходных феноменов потребовало, с одной стороны, обращения к словарям русского языка, с другой стороны, к словарям английского языка и к открытым интернет-ресурсам. К анализу привлекались данные Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) и Корпуса современного американского английского языка (далее СОСА). В процессе анализа использовались словообразовательный, функционально-семантический, дискурсивный и сравнительно-сопоставительный методы.

Особенности ингового словообразования в современном русском языке

Первые этапы функционирования форманта *-инг* в современном русском языке были отмечены ещё В.В. Виноградовым в 1947 г., указывающим на редкие в тот период инговые заимствования «с разнообразными предметными значениями (орудий действия, места действия, продуктов): *блюминг, крекинг, демпинг, митинг, дансинг* и т. д.» [3, с. 99]. В новейших работах отечественных лингвистов [4, 5 и др.], посвящённых рассмотрению семантических и прагматических функций суффикса *-инг* на почве русского языка, констатируется, что данный формант присутствует в огромном количестве прямых заимствований (*тренинг, коучинг, буллинг, имиджмейкинг* и т. п.).

Одной из дискуссионных проблем в области анализа форманта *-инг* является степень его адаптации в русской словообразовательной системе и мотивированность заимствования данного морфологического форманта. В 2002 г. О.П. Сологуб отмечает, что суффикс *-инг* ещё не получил статуса полноценной морфемы в деривационной системе русского языка, «так как слова, в которых он выделяется, лишены словообразовательной структуры; в русском языке отсутствует производящая основа, на базе которой образовано данное слово, что является необходимым условием становления структурного элемента как самостоятельной морфемы» [6, с. 130].

На чужеродность данного форманта указывают и другие лингвисты [7], отмечая его функциональную избыточность в условиях существующей в русском языке развитой системы собственных суффиксов для образования отглагольных существительных. Согласно РГ-80, к ним относятся: *-ние (-нье), -ение (-енье), -ание (-анье), -тие (-тье), -ие (-ье), -к(а), -овк(а), -ежк(а), -ачк(а), -анк(а), -ств(о), -н(я), -аж, -ёж, -ость / -ть / -ность, -ура, -ыш, -от, -ух(а), -их(а), -он* и другие (около трёх десятков морфем и морфов) – например: *повторение, бляние, мотовство, галдеж, резка, икота, косьба* [8, с. 155-163] и т. д.

Несмотря на наличие богатого репертуара формантов данного типа в русском языке, всё усиливающееся в последние годы «инговое цунами» [9, с. 14] свидетельствует о значительной потребности русскоязычных номинаторов в новом деривационном способе. Эта потребность, по мнению многих исследователей, обусловлена тем, что присутствие семантического признака процессуальности в семантике русских deverbativов типа *выруба-ние, стриж-ка, хва-*

стов-ство выражено в меньшей степени, нежели в образованиях с английским суффиксом *-ing*.

Некоторые дериватологи ставят под сомнение обоснованность мнений о включении англоязычного форманта в число заимствованных русских морфем, поскольку он нарушает «нормы русского словообразования процессуальных существительных <...> от глаголов» [10, с. 181]. Такие неударяемые, как *монастыринг*, не являются отглагольными, в связи с чем вызывают «дисбаланс словообразовательной системы» [4, с. 36]. Заметим, однако, что анализ современных инговых форм в современном английском языке также показывает тенденцию к росту числа существительных в ряду мотивирующих основ. Следовательно, ощущаемый лингвистом «дисбаланс» не является результатом выхода деривационной модели за пределы глагольной категории мотивирующего слова. Образований данного типа в современном русском языке достаточно много, что позволяет отдельным российским дериватологам утверждать, что данный суффикс «уже практически адаптирован к русской словообразовательной системе» [11, с. 11] и превратился в «русскую» морфему» [12, с. 241].

Несмотря на длительный период функционирования аффикса *-инг* в русском языке, факту его полной адаптации препятствует устойчивое ощущение генетической чужеродности, о чем говорит в своей работе С.Д. Левина [4]. Абсолютное большинство производных с формантом *-инг* имеет иронический и каламбурный характер (*блюдолизинг*, *болванинг*, *объегоринг*, *подлизинг* и др.) и сохраняет свойства окказионализмов, представляя собой свидетельство лингвокреативности носителей современного русского языка.

Семантико-словообразовательные особенности неологизма «монастыринг»

В отличие от описанных выше инговых образований, недавно появившееся и быстро распространившееся в российских масс-медиа слово *монастыринг* призвано выполнять исключительно номинативные функции. Слово образовано путём присоединения суффикса *-инг* к существительному *монастырь* (от др.-рус. *монастырь*, заимствованного из ср.-греч. *μοναστήρι(ον)*, *μαναστήρι(ο)ν* [13, с. 270]).

Рассматриваемая лексическая единица еще не зафиксирована в российских неографических источниках, в связи с чем на данный момент понимание её значения возможно только на основе анализа определений и комментариев, присутствующих в различных интернет-источниках.

Описание самой формы деятельности, скрывающейся под словом *монастыринг*, звучит следующим образом: «временное проживание в монастыре с выполнением различных послушаний: работы в огороде, уборки» [14]. В данном определении отсутствует, однако, указание на причины, которые подвигают людей на уход от реальной действительности и работу при монастыре, как и на преследуемые ими цели. Более точное определение сущности монастыринга предлагается на сайте с оригинальным названием «Горящая изба», основной целевой аудиторией которого, как можно догадаться, являются русские женщины: «Монастыринг – это добровольное короткое проживание в монастыре

без пострига, паломничества и необходимости быть религиозным человеком (хотя некоторым монастырям очень важно, чтобы вы искренне верили)» [15].

Другой сайт обращает внимание на возрастную принадлежность тех, кто практикует новый вид нахождения при монастыре. «Монастыринг – это явление, когда молодежь на несколько дней или месяцев уезжает в монастыри, чтобы потрудиться, помолиться, отвлечься от суеты» [16]. Этот и многие другие примеры позволяют с большой долей уверенности предположить, что как новая форма активности, так и само название появились в молодежной среде. Отсутствие собственно религиозной составляющей в большинстве определений свидетельствует о том, что монастырь в данном случае используется в большей степени как место, в котором можно уйти от повседневности, ускоренного темпа жизни, отвлечься от городского инфошума, но вовсе не обязательно прийти к Богу.

Анализ различных текстов, посвященных монастырингу, показывает, что вокруг неологизма уже сформировались члены словообразовательного гнезда: глагол *монастырять* и существительное *nomina agentis монастырищик*. Появление данных дериватов представляется мотивированным с семантической точки зрения необходимостью присвоения имени специфической форме действия и его производителю. В то же время данное направление деривации свидетельствует о появлении нового, инверсионного способа словообразования, при котором существительное с процессуальным значением становится мотивирующим для образования глагола. Таким образом, как и другие существительные на *-инг*, *монастыринг* «входит в системные связи с глаголами, хотя и необычным способом: глагол оказывается не производящим, а производным словом» [4, с. 38].

Лингвокультурологические параллели неологизма «монастыринг»

Монастыринг и трудничество. В некоторых определениях, основанных на синонимическом принципе, *монастыринг* определяется через его семантическую близость к слову *трудничество*. Например:

– «Само понятие „монастыринг” – это новомодное название „трудничества”, которое появилось еще в 14-15 веках» [17];

– «По сути своей, монастыринг – это новомодное название трудничества, которое существует испокон веков» [18].

Несмотря на проводимую многими интернет-порталами прямую параллель *монастыринга* с *трудничеством*, данное соотнесение является довольно поверхностным. Дефиницию существительного *трудничество* мы обнаруживаем лишь в словаре Даля, согласно которому *трудничество* – «работа на монастырь по обету, бесплатно» [19, с. 447]. Согласно НКРЯ, существительное *трудничество* впервые фиксируется в 1890 году:

– «Мать Енафа раскинула шелковую пелену перед киотом, затеплила перед ним толстую восковую свечу из белого воска и, разложив на столе толстую кожаную книгу, принялась читать акафист похвале-богородице; поклоны откладывались по лестовке и с подрушником. Так началось для Аграфены скитское „трудничество”» [20].

Существительное *трудничество* имеет низкую частотность употребления (6 вхождений в основном корпусе, 5 вхождений в газетном корпусе НКРЯ), в отличие от существительного *nomina agentis трудник* (145 вхождений). Словарь Д.Н. Ушакова, в соответствии с атеистической идеологией советского государства, описывает значение данного слова как «труженик, работник» [21], деактуализируя сему религиозности и расширяя значение слова.

Появление модных практик монастыринга приводит к росту количества употреблений слов *трудник* и *трудничество* на сайтах российских монастырей:

– «Цель пребывания паломников-трудников в монастыре – более полное воцерковление православного христианина через соприкосновение с жизнью монастыря в молитве и труде» [22];

– «Для желающих поступить в монастырь трудничество – это начальная ступень испытания при избрании монашеского пути» [16].

Таким образом, *трудничество* означает путь человека (трудника) через труд и молитву к Богу, а не кратковременную остановку, психологическую разгрузку, как это имеет место в современном *монастыринге*.

Не лишены оснований утверждения о том, что монастыри используют модный тренд в своих целях, как способ обращения молодёжи в веру. Такое стремление связано с уменьшением количества верующих среди молодого населения. Согласно опросу ВЦИОМ, 44% молодёжи до 25 лет считают, что религия не играет значимой роли в их жизни, а количество верующих и неверующих среди 18-24-летних примерно одинаково [23]. Неслучайно практики *монастыринга* в целом воспринимаются Русской Православной Церковью положительно. В 2025 году был создан специальный информационный ресурс, призывающий «монастырять»: «Монастырим вместе с 12 Храмов», «Хочу монастырять» [24]. Новый тренд также получил положительную оценку в высказываниях депутатов государственной думы: «заменяв дорогостоящие консультации у психологов, „зумеры” выбирают жизнь при монастыре, где они работают, питаются и проводят время за молитвой» [25].

Монастыринг и ретрит. Кроме аналогии с *трудничеством*, многие рекламные сайты включают практику *монастыринга* в разряд православных *ретритов*, что вызывает необходимость верификации предположения о заимствовании модного тренда из англо-американской культуры. Например:

– «Как правильно отдыхать? Православные ретриты и монастыринг» [25];

– «Православный ретрит в рамках проекта „12 храмов”» [24];

– «Православные ретриты: в России появился новый вид отдыха» [26] и т.

п.

Обращает на себя внимание, что сочетание *православный ретрит*, как и сам неологизм *монастыринг*, отличается оксюморонным звучанием и гибридным англо-русским смыслом. В языке-доноре слово *retreat* первоначально использовалось только в военной области и обозначало «отступление из какого-либо места или побег от какого-либо человека с целью избежать борьбы или опасности» («to go away from a place or person in order to escape from fighting or danger») [27]. Начиная с 1980-х годов отмечается тенденция к использованию

слова *retreat* в психотерапевтическом значении. Оно начинает функционировать в коллокациях с лексемами *mental* (ментальный), *psychological* (психологический), *spiritual* (духовный), *meditation* (медитационный) [28] и т. п., демонстрируя расширение семантики движения назад, «отступления» к метафорическому обозначению «ухода от проблем», возвращения к психическому равновесию и т.д.

Как следует из хронологии наблюдений за функционированием заимствованного слова *retreat* в его новом, психотерапевтическом значении («a quiet place where you can go to rest or be alone» ‘уединенное место, где можно отдохнуть или побыть одному’) [27], оно было зафиксировано и заимствовано русским языком значительно раньше, чем *монастыринг*, в 1996 году в значении «уединенное времяпрепровождение, посвященное духовной практике, эмоционально-психическому совершенствованию; такая духовная практика» [29]. Значение заимствованного слова истолковывается во многих русскоязычных интернет-ресурсах: «ретрит (англ. retreat – «уединение», «удаление от общества») – это время, которое человек посвящает духовным практикам, чаще всего за городом» [30] и пр.

Если туристические агентства не отягощают новый вид отдыха религиозной составляющей, то философское видение *ретрита* выглядит более объёмно и в определенной степени идеализированно. Р.В. Пеннер считает, что *ретрит* – это «особая форма отдыха, когда вместо реального отдыха участнику ретрита предлагается интенсивная работа над собой; такая работа, что не может быть реализована в ситуации повседневности, в том числе, тишина и религиозная аскеза, глубинная медитация, массивная физическая нагрузка или интенсивное общение» [31, с. 86].

Заимствование *ретрит* в русском языке получило форму множественного числа, что свидетельствует о том, что *монастыринг* – это лишь одна из форм борьбы с информационным шумом и социальным давлением, стремление к уединению и духовной перезагрузке.

Заключение

Комплексный анализ деривационной модели, семантики и потенциальных лингвокультурных прецедентов слова показал, что неологизм *монастыринг* представляет собой не только гибридную словообразовательную структуру, в которой основа с сакральным смыслом оформлена заимствованным английским суффиксом, но и в определенной степени является лингвокультурным гибридом. В новой форме находит свое отражение практика *трудничества*, и в то же время, транслируемая из западной среды модная форма психотерапевтических *ретритов*. Если в русском православном *трудничестве* преобладала целевая установка – через послушание, труд и молитву прийти к Богу, то в *монастыринге* актуализируется сема причины – стремление уйти на некоторое время от современной цивилизации. Объединение под крышей единого языкового знака генетически разнородных частей *монастырь* + *-инг* обращает внимание на потенциально несерьезное отношение к религиозному процессу, под-

меня осознанный уход человека от мирской суеты легковесным представлением о кратковременном изменении обычного образа жизни.

© Городецкая Е.А., Шаповаленко Е.В., 2026

Список источников

1. achbd.media – URL: <https://achbd.media/a/abuse-gaslighting> (дата обращения: 29.03.2025).
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. 1285 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 1947. 720 с.
4. Левина С.Д. Адаптация иноязычной морфемы -инг в русском языке начала XXI в. // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1 (6). С. 34-47.
5. Вахрамова Э.Р., Иванова Ю.С. Функционирование продуктивного суффикса «-инг» в существительных родственных и неродственных языков на примере семантической группы «спорт» // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации: Труды межвузовского лингвистического семинара молодых учёных. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. 32-38.
6. Сологуб О.П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет: материалы Третьей научной конференции. 2002. С. 130-134.
7. Сешан Ш. Существительные на -инг – символ американской языковой экспансии? // Русская речь. 1996. № 3. С. 46-49.
8. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.
9. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich: доклады в тематической сессии XV Международного конгресса славистов. – Минск. Седльце, 2013. С. 9-38.
10. Сиротинина О.Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. №1. С. 177-193.
11. Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 5-19.
12. Дьяков А.И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2015. 445 с.
13. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1971. 542 с.
14. forbes.ru – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/495989-ot-religioznogo-uedinenia-domodnogo-otpuska-cto-takoe-retrit-i-dla-cego-on-nuzen> (дата обращения: 06.04.2025).
15. burninghut.ru – URL: <https://burninghut.ru/monasterying/> (дата обращения: 06.03.2025).
16. Николо-сольби́нский монастырь – URL: <https://solba.ru/activity/zhelayushim-posetit-monastyr/pages/trudnichestvo/> (дата обращения: 04.03.2025).
17. marieclaire.ru – URL: <https://www.marieclaire.ru/psychology/monastyr-vmestopsikhologa-kak-zumery-izobreli-novyj-trend-monasterying/> (дата обращения: 29.03.2025).
18. 5-tv.ru – URL: <https://www.5-tv.ru/news/5003631/nanovyj-lad-cto-takoe-monasterying-istoitli-imuvlekatsa/> (дата обращения: 29.03.2025).
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. – М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4: Р-Я. 672 с.
20. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 09.04.2025).

21. Академик. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).
22. Константино-Еленинский женский монастырь – URL: <http://www.konst-elena.ru/trudnichestvo-v-monastire.101.html> (дата обращения: 13.04.2025).
23. ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 06.04.2025).
24. Монастыринг.рф – URL: <https://монастыринг.рф/> (дата обращения: 18.02.2025).
25. dzen.ru – URL: <https://dzen.ru/a/Z2rmO5Qujydy9-EB> (дата обращения: 13.04.2025).
26. tonkosti.ru – URL: <https://tonkosti.ru/> (дата обращения: 13.04.2025).
27. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 06.04.2025).
28. Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 12.04.2025).
29. Новое в русской лексике. Словарные материалы. – URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 29.03.2025).
30. rbc.ru – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6188c3f39a79472488ea3202> (дата обращения: 06.04.2025).
31. Пеннер Р.В. Ретриты в философской практике: прошлое, настоящее, будущее // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 86-90.

References

1. achbd.media. Available at: <https://achbd.media/a/abuse-gaslighting> (accessed 29.03.2025).
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint, 1998. 1285 p.
3. Vinogradov V.V. Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. Moscow, Russkij yazyk, 1947. 720 p.
4. Levina S.D. Adaptaciya inoyazychnoj morfemy -ing v russkom yazyke nachala XXI v. [Adaptation of the Foreign Morpheme -ing in the Russian Language of the Early 21st Century]. Verba. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal [Verba. North-Western Linguistic Journal], 2023. Vol. 1. No. 6. Pp. 34-47.
5. Vakhramova E.R., Ivanova Yu.S. Funkcionirovanie produktivnogo suffiksa «-ing» v sushchestvitel'nykh rodstvennykh i nerodstvennykh yazykov na primere semanticheskoy gruppy «sport» [Functioning of the Productive Suffix «-ing» in Nouns of Related and Unrelated Languages on the Example of the Semantic Group «Sport»]. Sovremennye lingvisticheskie paradigmy: tradicii i novacii: Trudy mezhdunarodnogo lingvisticheskogo seminar molodykh uchenykh [Modern Linguistic Paradigms: Traditions and Innovations: Proceedings of the Interuniversity Linguistic Seminar of Young Scientists]. Ufa, Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2020. Pp. 32-38. (in Russian).
6. Sologub O.P. Usvoenie inoyazychnykh strukturnykh elementov v russkom yazyke [Assimilation of Foreign Structural Elements in the Russian Language]. Nauka. Universitet: materialy Tret'ej nauchnoj konferencii [Science. University: Materials of the Third Scientific Conference], 2002. Pp. 130-134.
7. Seshan Sh. Sushchestvitel'nye na -ing – simvol amerikanskoj yazykovoj ekspansii? [Nouns in -ing – a Symbol of American Language Expansion?]. Russkaya rech' [Russian Speech], 1996. No. 3. Pp. 46-49.
8. Shvedova N.Yu. (ed.). Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Vol. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology]. Moscow, Nauka, 1980. 789 p.
9. Koryakovtseva E.I. Slovoobrazovatel'nye resursy novykh funkcional'nykh stilej slavyanskikh yazykov [Word-Formation Resources of New Functional Styles of Slavic Languages]. Slovtvorstvo a nowe style funkcjonalne jazykov slovianskikh: doklady v tematichejskij sessii XV Mezhdunarodnogo kongressa slavistov [Word Formation and New Functional Styles of Slavic Languages]. ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2026. Том 6 №1

guages: Papers of the Thematic Session of the XV International Congress of Slavists]. Minsk. Sedl'ce, 2013. Pp. 9-38.

10. Sirotinina O.B. Razmyshleniya o tom, kak dolzhna ponimat'sya bor'ba za ekologiyu yazyka [Reflections on How the Struggle for Language Ecology Should Be Understood]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2013. No. 1. Pp. 177-193.

11. Nikolina N.A., Ratsiburskaya L.V., Fatkhutdinova V.G. Novye yavleniya v sfere derivacionnykh formantov kak otrazhenie dinamiki slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo yazyka [New Phenomena in the Sphere of Derivational Formants as a Reflection of the Dynamics of the Word-Formation System of the Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics], 2020. Vol. 19. No. 2. Pp. 5-19.

12. D'yakov A.I. Statika i dinamika anglicizmov v sisteme russkogo yazyka: mnogoaspektnoe lingvisticheskoe modelirovanie: dis. ... kand. filol. nauk [Statics and Dynamics of Anglicisms in the System of the Russian Language: Multifaceted Linguistic Modeling: PhD Philology Thesis]. Omsk, 2015. 445 p.

13. Shanskij N.M. Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: posobie dlya uchitelya [Concise Etymological Dictionary of the Russian Language: A Manual for Teachers]. Ed. by S.G. Barkhudarov. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie, 1971. 542 p.

14. forbes.ru. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/495989-ot-religioznogo-uedinenia-do-modnogo-otpuska-cto-takoe-retrit-i-dla-cego-on-nuzen> (accessed 06.04.2025).

15. burninghut.ru. Available at: <https://burninghut.ru/monasterying/> (accessed 06.03.2025).

16. Nikolo-sol'binskij monastyr'. Available at: <https://solba.ru/activity/zhelayushim-posetit-monastyr/pages/trudnichestvo/> (accessed 04.03.2025).

17. marieclaire.ru. Available at: <https://www.marieclaire.ru/psychology/monastyr-vmestopsikhologa-kak-zumery-izobreli-novyi-trend-monasterying/> (accessed 29.03.2025).

18. 5-tv.ru. Available at: <https://www.5-tv.ru/news/5003631/nanovyj-lad-cto-takoe-monasterying-istoitli-imuvlekatsa/> (accessed 29.03.2025).

19. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 tomakh [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 Volumes]. Vol. 4. R–Ya. Moscow, RIPOL klassik, 2006. 672 p.

20. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 09.04.2025).

21. Akademik. Slovarei i enciklopedii na Akademike [Academician. Dictionaries and Encyclopedias on Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed 11.04.2025).

22. Konstantino-Eleninskij zhenskij monastyr'. Available at: <http://www.konst-elena.ru/trudnichestvo-v-monastire.101.html> (accessed 13.04.2025).

23. VCIOM [Russian Public Opinion Research Center]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (accessed 06.04.2025).

24. Monasterying.rf. Available at: <https://монастыринг.рф/> (accessed 18.02.2025).

25. dzen.ru. Available at: <https://dzen.ru/a/Z2rmO5Qyjd9-EB> (accessed 13.04.2025).

26. tonkosti.ru. Available at: <https://tonkosti.ru/> (accessed 13 April 2025).

27. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 06.04.2025).

28. Corpus of Contemporary American English (COCA). Available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 12.04.2025).

29. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy [New in Russian Vocabulary. Dictionary Materials]. Available at: <https://neolex.iling.spb.ru/> (accessed 29.03.2025).

30. rbc.ru. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6188c3f39a79472488ea3202> (accessed 06.04.2025).

31. Penner R.V. Retriity v filosofskoj praktike: proshloe, nastoyashhee, budushhee [Retreats
ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2026. Том 6 №1

in Philosophical Practice: Past, Present, Future]. *Socium i vlast'* [Society and Power], 2018. No. 3 (71). Pp. 86-90.

Городецкая Екатерина Александровна	аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия gorodetskaya.catia@yandex.ru
Gorodetskaia Ekaterina Aleksandrovna	post graduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia gorodetskaya.catia@yandex.ru
Шаповаленко Евгений Владимирович	кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия eshapovalenko@kantiana.ru
Shapovalenko Evgenii Vladimirovich	candidate of philology, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia eshapovalenko@kantiana.ru